

Поздняя осень, кладбище. Тихий шепот ветра, гоняющий пожухлые листья, был единственным звуком, нарушающим безмятежную печаль. Цзянь Нин, одетый в простую белую футболку и длинные брюки, сидел перед новым надгробием. Лицо его было усталым, глаза закрыты, а лоб, перемотанный марлей, казался болезненно бледным. На шее у него висело ожерелье из красных камней, которое соскользнуло, ударившись о черно-белую фотографию на могильном камне. Фотография изображала мужчину с красивым лицом, тонкими губами и прямым носом. В его глазах, устремленных вдаль, не было ни тени эмоций, только холодная, мрачная решительность. Это был его муж, Хуо Лин, погибший в автокатастрофе неделю назад. — Хуо Лин, ты мне солгал, — прошептал Цзянь Нин, его голос был едва слышен над шелестом листьев. Он вспомнил обещание, данное Хуо Лином в день их свадьбы: "Цзянь Нин, пойдем со мной, и я позабочусь о том, чтобы у тебя была хорошая жизнь". В то время их отношения были далеки от любви. Цзянь Нин подрабатывал в автосалоне, где и встретил Хуо Линя. Их взгляды встретились, и Хуо Лин, словно хищник, начал охоту. Черные, тяжелые глаза Хуо Линя притягивали взгляд, но его аура была слишком сильной, характер — слишком холодным. Когда он смотрел на людей, от его взгляда веяло ледяным холодом. Цзянь Нину казалось, что он попал в ловушку к страшному зверю, который уже прицелился к своей добыче. И он не ошибся. Через месяц Хуо Лин снова появился в его жизни, заранее узнав все о нем: сирота из старого, нищего социального учреждения, недавно окончивший колледж, испытывающий финансовые трудности, работающий стажером за жалкие 2200 юаней и подрабатывающий в автосалоне за 1400. Всего 3600 юаней в месяц, из которых 2000 он отправлял в учреждение. Менее чем через десять минут после встречи, Цзянь Нину в руки попал чек и заявление о браке. Хуо Лин обещал помочь детскому дому и сделать все возможное для всех детей, оставшихся без родителей. — Пойдем со мной, и я позабочусь о том, чтобы у тебя была хорошая жизнь, — сказал Хуо Лин, его голос звучал спокойно, но в его глазах читалась некая скрытая угроза. Цзянь Нин сжал чек, глядя на красивое лицо мужчины, стоящего перед ним. Он не знал, почему Хуо Лин выбрал именно его. В своей жизни, полной лишений и одиночества, он никогда не испытывал любви и доброты. Хуо Лин никогда не говорил ему слова "любовь", но с тех пор, как они поженились, он всегда был любим. В день аварии Хуо Лин подарил ему ожерелье из красного камня, стоимостью в миллиарды юаней. Это был не просто драгоценный камень, а уникальный артефакт, способный записывать, хранить и проецировать информацию. Он был единственным в своем роде. Когда Хуо Лин вручил Цзянь Нину ожерелье, он показал ему хранящиеся в нем изображения - бесчисленные моменты, проведенные вместе. Глядя на эти изображения, Цзянь Нин впервые обнял Хуо Лина. Он зарылся лицом в его объятия и прошептал: "Муж". В тот момент он думал, что у них еще много времени, чтобы медленно влюбляться и стареть вместе. Но в ту самую ночь он потерял Хуо Линя. У них так и не было шанса по-настоящему полюбить друг друга. Ожерелье из красных камней покачивалось на ветру, и легкое постукивание о камень надгробия заглушилось звуками приближающихся шагов. Несколько мужчин и женщин, их лица искаженные злобой и жадностью, спешили к нему. — Цзянь Нин! — рявкнул мужчина средних лет, возглавлявший эту компанию. — Остановись! Цзянь Нин, который сидел перед надгробием, не собираясь убежать, открыл глаза и посмотрел на приближающихся людей. Это были дяди и тети Хуо Линя. Когда Хуо Лину было десять лет и он потерял родителей, они не проявили к нему ни капли сострадания. Но когда он добился успеха, они словно угри, вылезли из своей норы, жаждущие легкой наживы. Они всегда хотели получить что-то бесплатно, но Хуо Лин не был человеком, которого можно было обмануть. Он щедро делился своим богатством, но ни копейки не дал этим жадным родственникам. Цзянь Нин одобрял подход Хуо Линя, но он не ожидал, что эти угри окажутся ядовитыми змеями! Они, опираясь на кровное родство, решили инсценировать аварию. Если бы Хуо Лин умер, а затем умер и Цзянь Нин, то все наследство досталось бы им. — Цзянь Нин, ты что-то выдумал! — крикнул дядя Хуо, его голос дрожал от злобы. — Вы с Хуо Линь попали в аварию, это ваше собственное невезение! Нет, подожди, это ты, сглаз, убил Хуо Линя, и мы тут ни при чем! Не думай, что ты можешь просто выдумать что-то и использовать это как

доказательство! Он с ненавистью смотрел на Цзянь Нина и добавил:— Отдай видео, записи и другие вещи, которые ты честно выдумал. Как сирота, даже если ты умрешь в этом городе Пинчуань, никто тебя не поддержит. Если ты знаешь, что для тебя хорошо, я буду относиться к тебе хорошо. За ним тут же заговорили другие родственники. Они уже знали о доказательствах Цзянь Нина, но все равно не стеснялись в выражениях. У Цзянь Нина не было ни родственников, ни друзей. Он не выставлял себя напоказ, и, мягко говоря, не был опасен. Над ним легко было издеваться. Видя, что некоторые из этих людей собираются ударить его, длинные, густые ресницы Цзянь Нина затрепетали. Он поднял глаза и тихо сказал, прежде чем на него опустилась чужая рука:— Я занес это в полицию. Ваши криминальные улики. Я передал все в полицию. Не только эту аварию, но и все остальное, что вы сделали. У меня есть доказательства. Он потратил много денег и нанял профессионалов, чтобы собрать доказательства их преступлений. И передал все в полицию. Когда Цзянь Нин закончил говорить, все присутствующие замерли. Они с недоверием смотрели на молодого человека, сидящего перед надгробием. Лицо юноши было бледным, словно мраморная статуя, а лоб, перетянутый бинтами, придавал ему вид хрупкой, разбитой игрушки. — Ты пытаешься нас напугать? — прошипел дядя семьи Хуо, стараясь сохранить хладнокровие. — Ты слишком молод, чтобы пугать нас! Говори, где спрятал то, что сделал! Глаза дяди скользнули к рубину, украшавшему шею юноши. Камень был огромным, его ценность и предназначение не сходили с новостных лент. — Все видео и записи в этом рубине, верно? Покажи! — В голосе дяди слышалось и искреннее подозрение, и жажда наживы. Он шагнул к Цзянь Нину, протягивая руку к драгоценному камню. Цзянь Нин отшатнулся, прижавшись спиной к надгробию. — Убирайся, — прошептал он, срывая рубин с шеи. Лицо его было спокойным, а темные глаза излучали ледяной холод. — Твой смертный час близок. Поторопись, выбирай себе место на кладбище. Слова Цзянь Нина прозвучали как проклятие. Недоброжелательность на лицах окружающих усилилась, они снова окружили его, протягивая руки, желая оттолкнуть, вырвать рубин. Тело Цзянь Нина было хрупким, за прошедшую неделю он заметно похудел. Казалось, что он вот-вот рухнет от слабости, но его движения были стремительны и точны. Сирота, особенно такой красивый, не мог выжить без острых когтей. Только с Хуо Линем он позволил себе стать мягким ягненком. С любовью Хуо Линя больше не было нужды в шипах. Несколько мужчин средних лет, заметно превосходящих Цзянь Нина ростом и силой, не проявили к нему ни капли жалости. Цзянь Нин отвечал им точными ударами, заставляя их стонать от боли. Но преимущество юноши было недолгим. Его голова, перебинтованная после автомобильной аварии, пульсировала от боли, заставляя его шататься. В этот момент дядя Хуо, жаждущий мести, грубо толкнул его. *Бэнг*